

Александр ШИРВИНДТ: «В КРЕСЛО ХУДРУКА Я СЕЛ НА ДВА ГОДА»

Моск. правда. - 2001. - 21 апр. - с. 3-4

- Михал Михалыч, чего мы только с тобой не сыграли на этой сцене?

- Лепорелло не сыграли, Дон Жуана не сыграли. Дон Кихота и Санчо Пансу тоже не сыграли.

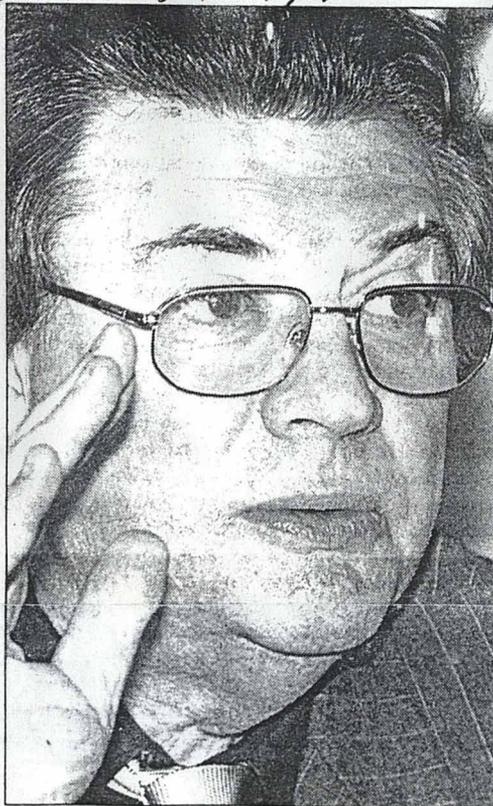
- О, как я понимаю Андрюшу. Как бы я мечтал сыграть Обломова. Два акта, на диване. И не вставать.

- А я – глухонемого Герасима. Чтобы вообще текст не учить.

- Тогда уж лучше саму Му-му, и чтобы утопили тебя в первом же акте.

Даже не слишком заядлый театрал легко догадается, что этот разговор происходит между двумя замечательными актерами – Александром Ширвиндтом и Михаилом Державиным. В оригинале он звучит в спектакле Московского театра сатиры «Счастливец - Несчастливец», а теперь еще удачно вмонтирован и в новую постановку популярного сценического коллектива, получившую название «Андрюша». И хотя последняя реплика в процитированном диалоге адресована Державину, «уголненным» вполне мог оказаться произносящий ее Ширвиндт, для которого спектакль «Андрюша» стал тем самым смертельно опасным «первым актом» на посту художественного руководителя родного коллектива. Но, похоже, Александр Анатольевич «выплыл».

- Конечно, это была рискованная авантюра, - рассудительно замечает Ширвиндт. Теперь,

когда прошло время, он уже способен говорить спокойно и взвешенно о своей весьма смелой идее, рассказывая, как однажды шел мимо Театра на Таганке и увидел афишу спектакля «Владимир Высоцкий». - А что, наш Анд-

рей Миронов хуже что ли? - как бы вопрошает мой собеседник и тут же продолжает: «Жаль, что афиша мне попала в глаза в начале января. Случилось бы это хотя бы в ноябре. Времени на подготовку спектакля оставалось в обрез - всего два месяца. Но если бы мы не успели сделать его к 8 марта, то есть к 60-летию Андрея Миронова, затея потеряла бы всякий смысл. И мы старались изо всех сил. К тому же ограничиться лишь юбилейным показом не хотелось. Я замахнулся на спектакль, который мог бы постоянно идти в репертуаре и который могли бы смотреть простые зрители, а не только ваша пишущая братия.

- Что, «насолили» критики?

- Кардиограмма рецензий совершенно инфарктная. Впрочем, если честно, то просматриваю рецензии в основном по диагонали. Если вдруг зацеплюсь за что-то серьезное, то вчитываюсь внимательно. Пусть даже злое, но обстоятельное, аргументированное. Такие заметки помогают поостороже посмотреть на сделанное. Поверь, на панегирики я не рассчитываю. Однако полагаю, что профессиональным критикам нерентабельно растрачивать свои таланты на заведомо ругательные статьи. На них ведь просто перестают обращать внимание. Думаю, что обыкновенные читатели разборы спектаклей и вовсе не читают. Получается, что критики пишут исключительно друг для друга.

- Бог с ними, с профессиональными зрителями. Главное, чтобы публика шла в театр.

- С этим, к счастью, у нас нет проблем. Люди охотно ходят на наши спектакли, и на «Андрюшу» в частности. Поначалу я очень волновался. Вот, думал, отшумит юбилей, а дальше? Но последующие спектакли прошли просто великолепно. Со слезами и аплодисментами. Публика собирается непредвзятая, раскрепощенная и искренне заинтересованная. Ведь наш «Андрюша» - это спектакль на незатасканную тему: «Миронов и театр». И только у нас можно увидеть Веру Васильеву в том спектакле, который она репетировала с Андрюшей. И Ольгу Аросеву, которая играла в его спектакле «Бешеные деньги» и была его партнершей в «Доходном месте», и она «живьем» выходит на сцену и вспоминает.

Окончание на стр. 2.

«В КРЕСЛО ХУДРУКА Я СЕЛ НА ДВА ГОДА»

Окончание. Начало на стр. 1.

Тут же и Спартак Мишулин, который играл с Мироновым в его самом первом спектакле - в «Плутнях Скапена», и Нина Корниенко, игравшая с ним в самом последнем в его жизни спектакле - в «Женитьбе Фигаро». Согласись, где еще можно увидеть такое?

- В общем, артисты не пожалели, что выбрали вас своим худруком?

- Они еще пожалеют, конечно, - пытается отшутиться Ширвиндт, но тут же серьезно замечает: «Пока длилась вся эта бодяга с моим назначением, единственное, что было милым в этой истории, - позиция родного коллектива, они были над схваткой. И только поэтому я согласился».

- А как отреагировали ваши друзья и домочадцы?

- Домочадцы сказали, чтобы я не занимался самоубийством, а друзья говорили, давай, отчего не попробовать. Когда эти весы стали балансировать, перетянуло внутреннее дело. 31 год я здесь. Ужас. Ну, сказал бы я «нет», значит, пришел бы какой-то «икс». Свято место пусто не бывает. К примеру, кто-то ультрамодный, который к нашему театру никакого отношения не имеет, или совсем какой-нибудь «ноль». Значит, что пришлось бы делать? Спокойно лиять отсюда. Сидеть на даче и давать злобные интервью. Или ездить с Трушкиным, деньги зарабатывать, И я решил.

- И как чувствуете себя в новой ро-

- С одной стороны, плохо, что это все: «Шура, Шура, Шура». Некое несоответствие параметрам взаимоотношений. А с другой стороны, счастье, что мне не нужно знакомиться с коллективом. У меня очереди в кабинет нет. Я их знаю наизусть. Они могут только говорить: мол, мне же надо что-то сыграть. А я могу ответить: «А, по-моему, тебе играть уже ничего не надо». Так что в этом плане легче.

- Кстати, кабинет ваш совсем необычной, какой-то безличный вид имеет. Разве вы здесь не хозяин?

- Нет, я же здесь на контракте, который со мной заключил департамент по культуре правительства Москвы. Его можно заключить на год, можно на два, можно на подольше. Я подписался на два года.

- Почему так мало?

- А зачем больше?

- Как зачем? Говорят, что театр - это такое дело: отравляешься - и уже до конца дней. Только вперед ногами.

- Я так давно отравился, что пора противоядие применять, а не наваливать на всю жизнь.

- Стало быть, вам положено нынешний сезон завершить и следующий продолжить? Трудно приходится?

- Да уж, нелегко. Труппа - 73 человека, и все хотят работать. А театр не резиновый - ни денег, ни помещений, ни площадок. И лимит премьер тоже есть. И возрастная проблема. Знаешь, как делали дореволюционные профессиональные антрепренеры? Брала «Горе от ума» и

Губернатор С. - Петербурга Владимир Яковлев /в центре/ рискнул сыграть в одном оркестре с Александром Ширвиндтом /слева/ и Эльдаром Рязановым

там же, которые сыграют пьесу Грибоедова, «по зубам» любое произведение мирового репертуара. В ней есть все: от героев-неврастеников и комических старух до благородных отцов, полный срез. А у нас сейчас провалы с благородными отцами. Эта ниша пустовала. А знаешь почему? Когда в театрах были мощные поколения, то у каждого крупного актера всегда был свой «дублер». Из выпускников театральных школ отбирали вторых Яковлевых, вторых Борисовых, вторых Мансуровых. Из них формировали второй состав. В современной практике этот принцип давно не соблюдается. Вот и в нашей труппе получилась «пробковоска» по возрастному амплуа.

- Но, вступая в должность худрука, вы обещали не трогать «старую гвардию».

- Я и не трогаю.

- А вот репертуар собирались «почистить».

- Два спектакля сняли: «Молчи,

- А что в перспективе?

- Сергей Арцибашев репетирует пьесу Ануя «Орнифль, или Сквозной ветерок», которую мы должны сдать к лету. На нашей камерной сцене - на «Чердаке сатиры» - приступает к работе прекрасный режиссер и педагог Владимир Иванов. В следующем сезоне еще два спектакля поставим.

- Всякий раз при встрече с вами удивляюсь, почему ваш образ в моем восприятии никак не совпадает с тем Ширвиндтом, который описан в книге Татьяны Егоровой «Андрей Миронов и я». Вы, конечно, читали этот бестселлер?

- Я не читал. Но мне целые главы буквально наизусть пересказывали. Я очень хорошо знаю эту даму. Полемизировать мне не интересно. Я сам мог бы написать на эту тему четырехтомник. Но писать Ширвиндт не стал. В память о друге он поставил спектакль - добрый, светлый, искренний.